К проблеме исторических терминов и теории этносов

Лев Агни

Публикуем размышления нашего читателя — результат исследовательской работы по сравнительному анализу употребления некоторых терминов в исторических источниках. Приглашаем к участию в дискуссии по обсуждаемым проблемам.

??????? ????? ????, ? ??????? "?????? ?????????" ??????????? ????. ?.?.??????

1. О летописных и историографических племенах

- ***1. О летописном и современном значении слова «племя».***
-

1. **О летописных племенах.** В одной из статей ежегодника «Средневековая Русь» А.А. Горский затрагивает терминологическую проблему употребления слова «племя» «Повестью временных лет…» (далее – ПВЛ) и современной исторической наукой: древнее употребление создает иллюзию неизменного значения слова в прошлые и современные эпохи (Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь. 2014. Вып. 11. С. 7), хотя средневековые источники не знают применения этого слова в значении групп славян догосударственного периода. Исследователь предлагает использовать вместо «племен» византийское обозначение «славинии» (Там же. С. 9 – 10). Далее совершенно справедливо А.А. Горский отмечает применение ПВЛ слова «племя»и в значении потомства («племя Афетово», «племя Хамово») (ПСРЛ. Т.1, стб. 4-5, 20, 183). К данным словам историка можно добавить примеры употребления племени в значении части большого рода, отдельной ветки, но уже в более поздних летописях. Так, под событиями 1195г. Ипатьевская летопись вкладывает в уста Рюрика Ростиславича следующее выражение: «ѡ братьи своеи ѡ Володимерѣ племени» (ПСРЛ. Т.2, стб. 681), подразумевая потомков Владимира Мономаха. Потомков Олега Святославича летопись именуют ольговичами (Там же, стб. 696). Получается, что племя — это часть большого генеалогического древа, будь то родословная библейских персонажей или большого княжеского рода, восходящая к легендарному Рюрику. Дополнительно можно указать на собрание множества значений слова в «Древнерусском словаре XI — XIVвв» (Т. VI. М., 2000. С. 418 – 419). Впрочем, порой не всегда понятно, каким образом те или иные указанные смыслы в словаре применять в современном русском языке (значения №1 и №2 – потомство и семья, родня – совпадают по смыслу, в приведенных примерах подходит как одно, так и другое; значение №4 — «племя, народ», собственно, чему частично посвящен предлагаемый материал). Более подробно и точно дает указания Словарь Срезневского (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, 1893. Т.2, стб. 959 – 960).

В Лаврентьевской и Суздальской летописях имеется не совсем ясное обозначение смысла племени в месте упоминания прихода татар на Русь под 1223г.: «и что æзыкъ их и котораго племени сүть» (ПСРЛ. Т1, стб. 445, 503). Под племенем подразумевается нечто большое, частью которого являются неизвестные татары. Думается, соседство языка и племени не

является случайным. Так, например, летопись в отношении половцев употребляет понятие иноплеменников, затем оно распространяется и на татар. Но никогда летопись не противопоставляет в племенном отношении группы восточных славян (в современных исторических значениях «славянские племена»). Вполне вероятно мышление летописца библейско-генеалогическими категориями: раз все человечество имеет одного предка – Ноя, следовательно, теоретически вполне возможно узнать, чьими потомками являются те или иные группы людей. Иными словами, в основу положен условный принцип кровнородственных отношений. Одновременно он имеет более или менее проверяемый и видимый характер – культурная особенность и языковое отличие. И, надо полагать, культурная отличительность не связана тесным образом с племенем: при описании нравов полян, древлян и прочих славян летопись не противопоставляет их с помощью введения понятия «племя», требуется гораздо более внушительная грань, чтобы началось использование противопоставления с помощью слова «иноплеменники», причем вероятнее всего (допускаю ошибочность такого предположения-утверждения) именно в смысле — потомки племени Симова, в то время как русь и словене относились к племени Афета. Колено племени Афетова составляют варяги (Там же, стб. 4).

2. **О летописных обозначениях**. Посмотрим, какие понятийные категории подразумеваются в раннем русском летописании.

А) **О сути**. В русском нарративе языковое и племенное различие тоже не отождествляется напрямую, но «язык» и «племя» употребляются в достаточно близком контексте (см. выше: «и что æзыкъ их и котораго племени сүть» или: «бъıĉ æзъıкъ Словѣнескъ ѿ племени Афетова»). Обращает на себя внимание использование «сути» в качестве общего или расширительного обозначения: «нарци єже суть Словѣне» (Там же, стб. 5), «сѣли суть Словѣни по Дунаєви» (Там же), котораго племени сүть (Там же, стб. 445). Исходя из краткого перечня выражений, можно попробовать сказать: «суть» — объединяющий признак, некая общая черта, по чему судят о принадлежности к тому или иному общему названию. Иногда создается впечатление взаимозаменяемости сути и племени («*сүть словене*», как будто можно охарактеризовать племенное причисление (см. словарь Срезневского, примеры к значению «племя, народ»), аналогично с варягами), но напрямую в текстах летописи об этом не пишется.

Довольно сложно сопоставить значение слов «племя» и «народ»: ранними нарративными источниками они либо не используются, либо не употребляются в этническом значении.

В.М.Васнецов «Баян»

Б) О роде. Следующее что хотелось бы заметить: употребление летописью «рода» в том значении, в котором современные историки привыкли употреблять слово «народ» или, как вариант, «племя». В известных русско-византийских договорах 912 и 945 гг. употребляется выражение «…от рода рускаго» (Там же, стб. 32–33, 46). Логично предположить, что словенские послы употребили бы выражение: «мы от рода словен». Посмотрим, находит ли озвученное предположение какое-то подкрепление в

источниках.

Оказывается, да, находит. ПВЛ употребляет следующее: «ѡ рода Словѣньска» (Там же, стб.12). Дополнительно: «ѿ рода Варѧжьска» (Там же, стб. 20). В данном случае имеется в виду некое происхождение и отличительная особенность (в поговорке «сгинуть аки обры»: не оставив племени и наследия – племя все же имеет к значение потомства*).

ПВЛ англян, урман, свеев и загадочную русь относит к варягам. Из перечня видно, что под варягами понимаются северно-европейские, точнее, северогерманские «народы», куда попали англяне (то ли как потомки переселенцев с Ютландии, то ли как потомки новых скандинавских переселенцев на туманный Альбион). Нужно отметить, что различия в языке скандинавов еще не осознавались, потому в прологе «Круга земного» Снорри Стурлусона говорится о «языке данов» как языке правителей «Северных стран» (http://norroen.info/src/konung/heimskringla/prolog/ru.html , там же см. прим. №2). Варяги имеют не столько этническую (квазиэтническую), сколько географическо-языковую окраску, противопоставляемые «словенам». Не случайно летопись относит варягов к более широкому понятию, к колену, куда входят англяне, урмане, свеи и русь. Получается несколько иной уровень объединения. Будем его тоже считать племенем, народом или начнем корректировать понятийную сетку объединений различного плана и свойства?

Под 6526г. (1018г. – далее для удобства перевод в совр. летоисч.) эти понятия даже следуют поочередно: «совокупивъ Русь. и Варѧгы. и Словѣнѣ» (Там же, стб. 143). Русь, очевидно, теперь рассматривается как нечто отдельное, особенное от варягов и от словен. Летопись понимает изначальное происхождение руси и новое состояние в среде славян. Отсюда иногда кажущаяся тавтология по отношению к варягам в космогоническом прологе ПВЛ и деление на «от рода варяжьска» и «от рода рускаго». Слова «суть» и «от рода» — близки по значению, являются категориями высшего порядка, отличными от конкретных наименований групп людей.

В) О «странах» и «языци». Гораздо чаще и более определенно в летописи употребляются слова «страны» и «языци». Если под странами понимаются географические регионы, имеющие свою долгую традицию именования, то под «языцами» с достаточной степенью условности можно усматривать некие «этнические» индикаторы. Повествуя легенду о строительстве Вавилонской башни, летопись сближает род и язык: «и реч҃ Гс̑ь се родъ є҆динъ . и ӕзыкъ є҆динъ» (Там же, стб. 5). Затем Господь перемешал языки, произошло разделение. В летописи постоянно фигурируют категории стран и языков. Хотя, трудно поверить в то, что от чуди до муромы языковые различия были столь сильны, что мы вправе называть их отдельными языками (Там же, стб. 11). Но определенным видится одно: летописьиспользует языковой принцип как основной. Можно сказать, что в летописи употребляются различные наименования славян («словен») для обозначения групп людей, разделяемые с помощью слова «языци». Более высокий уровень — понятия «колено» или «суть», нечто объединяющее (словене – одного языкового уровня, варяг(з)и – другого?).

Питер Брейгель старший «Вавилонская башня»

Особую трудность в летописи представляет выявление соотношения рода и племени, племени и народа, поскольку под родом и под племенем летописец подразумевает свойство, генеалогическое происхождение (часть княжеского рода, ветви Рюрикова рода) и происхождение вообще.

Согласно этимологическому словарю Фасмера племя сближают с греч. πλῆθος «множество», лат. plēbēs ж. «толпа», возможно от *pel- «производить, рождать» «рождать»

https://vasmer.lexicography.online/%D0%BF/%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8F , в чем можно усмотреть и русское «народ» (ср. с оборотом «богатый народился урожай»).

Вся проблема состоит в том, насколько древние представления, в том числе, отраженные в текстах, соответствует нашим представления, и насколько современные научные воззрения адекватны представлениям прошлого, не возникает ли словесно-понятийной путаницы?

Иногда можно усмотреть в церковно-славянской и болгарской литературе тождество племени и народа (http://promacedonia.com/zv/zv1_1.html) и аналог латинскому triba. Здесь я вынужден ограничиться небольшим отступлением от темы, выходящим за рамки моих непосредственных интересов.

Подводя итог, иногда слова «племя» или «народ» употребляются в значении некой большой исторической общности – применительно к языку или населению государства. Летопись употребляет слово «племя» в значении потомства, часто в связке с языком, а словом «языци» обозначает любую историческую общность родового или государственного характера.

- ***2. О переводах слов.***

1. **О «Древнем обществе» Моргана и tribe.** Интересна бессистемность использования в переводческой литературе (впрочем, как и в исторической) слов «племя» и «народ».

Л. Морган в «Древнем обществе» (https://www.marxists.org/reference/archive/morgan-lewis/ancient-society/) в четвертой главе, резюмируя, под «tribe» понимает не родовую организацию (для характеристики которой он использует слова «gentes…» «gentile…»), а то, что у нас принято называть племенем. Племя он связывает с диалектом, хотя при подчинении одного племени другому у них могли быть разные, но близкие диалекты. Род разрастался, дробился, происходила языковая сегментация и далее возникала перспектива отделения. В случае с ирокезами Л. Морган употребляет множественное значение слова «tribes»: имеется некоторое число диалектов, по которым их носителей возможно объединить в одно общее и понятное слово «ирокезы» (глава так и называется «The Iroquois Tribes»).

Судя по всему, Л. Морган подразумевал под nation народ в широком значении, на стадии цивилизации, которую не могли создать американские индейцы («A coalescence of tribes into a nation had not occurred in any case in any part of America».). К слову, у исследователей накопилось множество претензий к использованию «tribe(s)» по отношению к африканцам, подразумевая крайне отсталый образ жизни и социально-политическую организацию. Но для социально-политического объединения Л. Морган чаще использует слово tribe, приводя примеры римских триб и греческих фратрий. Однако следует заметить, что, хотя в начальной истории Рима уживались этруски/луцеры, латиняне/рамны, сабиняне/тиции, этруски стояли на государственном (или около того) уровне социально-политического развития, в то время как латины и сабиняне еще преодолевали стадию так называемого «периода разложения родоплеменного строя». Рим, как и рядом расположенный сабинский городок Фидены, оказывался на стыке зон расселения жителей Средней Италии – латинян, этрусков и сабинян. В латинском «триба» стоит близко к значению «три» (tres) и означает разделение населения Рима по происхождению; другое значение – простой народ, толпа. Используя язык летописей, мы вынуждены были бы пользоваться словом «языци» или использовать слова «племя/народ» в самом широком значении.

Дополнительно хотелось бы заметить, что Л. Морган вводит курию, промежуточное звено между родом и племенем, аналогичную греческой фратрии. Возникает вопрос: адекватна ли сетка понятий известной нам информации по сохранившимся источникам применительно к тем же славянам? Следом возникает другой вопрос: вправе ли мы говорить о этничности славян, русов? Если на первый вопрос крайне трудно ответить и, скорее, можно развести руками, то на второй можно ответить положительно, правда, с одной оговоркой, что признание «своих» зачастую в древности не шло по линии этничности.

Л.Морган считает высшей категорией «*Populus Romanus*», понимая (в позднейшем смысле римских историков,

Статуя императора Августа

осовременивавших историю Рима царского периода) под ним полноправных римских граждан, в то время как до реформ Сервия Туллия (и еще долго после) римского гражданства не сложилось (по тем же античным источникам, письменно законы стали оформляться с середины Vв. до н.э.). Если таковое обозначение имело место быть, то это никак не народ в государственно-гражданском смысле, скорее просто обозначение населения Рима, полноправных членов общины, пока еще не граждан (по легенде, в начале Vв. до н.э. произойдет конфликт по линии разделения новых и старых членов общины, имеющих больше прав), то самое объединение родов и курий tribe у Моргана, то самое латинское «популус», попавшее во французский язык как peuple, в английский как people. Что удивительно, в русском народ-этнос и народ-толпа, население, совпадают аналогичным образом.

Если далее углубляться в латинскую историю, то Ливий в первой книге римской истории использует оборот «duorum populorum» по отношению к объединению прибывших троянцев и аборигенов Лация (аборигены вроде как «племя», населяющее Италию до основания Рима) в одно название латин (Liv. I, 2). Затем, когда Ромул убил брата Рема, он рассылает послов в окружающие народы (в латинском тексте *gentes*), потому что женщин в самом Риме было мало и следовало поддерживать рождаемость. Войну между римлянами и албанцами он рассматривает как междоусобную, используя обороты «civili», «duo populi» в отношении разных городов-общин (Liv. I, 24).

Как я могу судить, у античных авторов не принято было обозначать наши современные племена в значении «tribe». Проблема определения смыслов триб и курий – старая историографическая проблема, не думаю, что здесь стоит уделять ей много места.

В русских летописях раннего периода словене за счет своего языка образуют некий ствол, от которого идут отростки – другие именования славян. К сожалению, летопись никак их не называет. Мы не знаем, что понимается под «вятичами», «радимичами», «дреговичами» и прочими перечисленными летописными родами (именно так они именуются); у греков имеются некие «славинии». С диалектами их тоже не получится увязать. По крайней мере, по летописям и берестяным грамотам можно говорить о северном и южном диалектах на Руси. Во всяком случае, нельзя говорить о сильных региональных языковых различиях на Руси в домонгольский период. Так, во введении к книге «Древненовгородский диалект» А.А. Зализняк отмечает общераспространенное мнение: «как уже многократно отмечалось исследователями, языковые различия между всеми славянскими племенами, скажем, в XI в. с чисто синхронической точки зрения не выходят по своему масштабу за рамки междиалектных различий, существующих внутри любого современного языка. Взаимное понимание между всеми славянами в это время еще не составляло особых трудностей. С этой точки зрения мы вправе говорить еще и в XI в. о позднем праславянском языке и его диалектах» (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.,2004. С.7).

В общем выводе можно сказать о разном уровне понятий, которые приходят в противоречие друг с другом, рождая странные концепции о «племени», «союзе племен» (раньше я думал, что примерно знаю, что это, однако, читая летописи, литературу другого рода, понимаю, что не знаю даже приблизительно) и т.д. Наверное, тогда лучше говорить о «куриях» и «трибах», если уж пытаться восстанавливать родовое общество славян по косвенным данным и дошедшим до нас крупицам по этнографии и

сторонним источникам о славянах. Если уж следовать за классиками, то в более последовательном русле, а не произвольно.

2. **О переводах на русский латинских терминов**. Другой случай – с переводческой литературой и «племенной» номенклатурой латиноязычных авторов по славянам.

Привлеку текст Хелмольда из Босау «Славянские хроники» (Chronica Slavorum) в переводе. Л. В. Разумовской http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegel1.htm **,** сравнив с латинским.

В первой главе Хроник употребляется «gentibus» — в русском переводе: «народы».

В другом месте: «nationes» — в русском переводе фигурируют снова «народы».

Во второй главе «gentibus» — в русском используется «племя».

К примеру, фрагмент: «Altera insula, longe maior, est contra Wilzos posita, quam incolunt Rani, qui et Rugiani, gens fortissima Slavorum» Л.В. Разумовская почти идеально переводит следующим образом**: «**«второй остров», больший, «лежит против земли вильцев, его населяют раны, называемые также руянами»,— «самое сильное среди славян племя»». Вызывает лишь вопрос произвольное отношение к русским словам «племена» и «народы» в отношении указанных nationes и gentibus. Если перевести отрывок: ««второй остров, больший, лежит против земли вильцев, его населяют раны, называемые также руянами, — самые сильные среди славян люди»», – смысл останется почти тем же, но понятийная нагрузка изменится.

Проблема в том, что русский язык оказывается весьма бедным в отношении различных народных и родовых делений. Историки, археологи, переводчики создают большую путаницу, и порою видно, что даже специалистам трудно разбираться в словесно-понятийных хитросплетениях как родного, так и не родного языка. Проблема не только в языках, но и в изменении значения слов во времени.

Средневековое natione не соответствует современному nation. Сетка иноязычных слов-понятий, по моему мнению, нуждается в более корректном переводе на русский язык (или требует введения новых слов и понятий в современный русский язык):

Genus, gents;

Natione;

Nation;

Phratry;

Tribe;

Требуется и более системный подход к употреблению слов в далеком и современном значении русского языка:

Род, роды;

Племя;

Народ;

Нация;

Народность;

Возможно, кто-то дополнит приведенные списки.

Итог. Слово и решение остается за специалистами, мною лишь подмечены странности обозначений: как обозначения прошлого переводят современными обозначениями, на мой взгляд, с произвольно употребляемыми понятийными смыслами современности (например, лично для меня возникает много неясного при чтении средневековых восточных авторов относительно родственных связей и различных делений монголов и их родственников). Хотим мы того или нет, мы вынуждены пользоваться моргано-марксистскими установками, доставшиеся нам от советского прошлого, используя русский язык и сложившуюся традицию общепринятых обозначений в научной литературе, публицистике, обыденной речи.

Порой при чтении научной литературы нет понимания того, в каком смысле используется слово «племя» – в смысле народа, этнического/квазиэтнического индикатора, в смысле объединения родов в рамках одной общности? Возможно, мой посыл неверен, но в наших силах скорректировать сетку понятий относительно прошлого и современного понимания исторических обозначений, причем на разных языках, будь то латынь классическая или средневековая, будь то какой-либо современный язык общения.

Мы не знаем того, по какому принципу делились славянские общности — по родовому, политическому, территориальному, земляческому (земельному, региональному), по некому общему принципу, внедренными иностранцами? К примеру, за пределами России всех выходцев из России причисляют к «русским» — башкир, татар, калмыков и т.д., но судя по хождению слов, различают народы/этносы кавказцев и сибиряков…

С чего начинается этнос?

1. О проблеме этносов.

1. **Проблема этнической солидарности и солидарности иного рода.** Давно интересуясь проблемой этносов и определения народов, вплотную вопросами теорий и понятий этносов, этнической общности я не занимался. Однако при работе с историческим материалом его требовалось как-то осмыслить, привести в порядок понятийно-терминологический инструментарий. Сама принятая в науке терминология вызывала нарекания по своей неадекватности. Ибо, работая с историческими источниками, приходишь к необходимости отказа от всех национальных стереотипов и шаблонов. Мир истории гораздо сложнее и многообразнее, нежели он представляется в современных национальных блоках, с помощью которых сегодня мыслят политики и ученые. Надо признать, многое в науке построено по западным образцам или взято за эталон, рождая пресловутую европоцентричность, про которую все говорят, но никто не хочет избавляться от старых, привычных шаблонов и стереотипов мышления. Надо четко понимать, что многие классики, особенно это актуально для нашей страны в отношении творчества Моргана, Маркса и Энгельса, работали в XIX в., когда археология только-только зарождалась и начинала свое эпохальное шествие, когда еще не были толком известны египетские, шумерские и аккадские письмена, практически вся история упиралась в античных авторов, дополненная библейскими сказаниями о времени до начала описания трудов Геродота и Фукидида. Эталон европоцентричности возникал в результате формирования Римской империи или под воздействием античного наследия (латинский язык, как язык книжности и образованности, являлся важным инструментом в передаче информации, ведь каждому священнику требовалось как-то читать и понимать священное писание). В России латынь, к сожалению, не получила известности и распространения до Нового времени, поэтому сегодня возникает определенн трудность в поиске адекватного перевода различных понятий.

Лично для меня этнос представляет неопределенную сущность, с которой неудобно работать. Зачастую не находишь подходящих слов, поскольку все они несут для многих чрезмерную современную понятийную нагрузку. Этнос видится мне модернизированным понятием.

В истории Древней Греции (Эллады) я нахожу три уровня, по которым шло причисление эллинами себя к тому или иному рангу.

Причем первый – самый абстрактный, самими эллинами не мог решиться однозначно в принципе, поскольку они мыслили о себе общинно-политическими категориями, которые принято называть «полисами». Некая общегреческая солидарность, панэллинство, так и не могло выйти за рамки политических деклараций и попытки единения за счет общеэллинских празднеств по типу Олимпийских игр. Солидарность в большей степени проходила по границам полиса и сложившихся диалектных зон, после последнего переселения дорийцев. В процессе социально-политического развития полис превратился в общину-государство, где пришлый не обладал полнотой прав местных жителей, соответственно, ему не доверялась защита своего полиса и прямое участие в его управлении. Вдобавок ко всему, у каждого полиса или объединения полисов, имелись свои религиозные празднества. Спартанцы-дорийцы приняли местных божеств периэков, взамен заставляя участвовать их в похоронах спартанских царей. Являясь ущемленными в правах жителями нового политического образования, периэки за всю свою историю не проявляли особого сепаратизма (Зайков А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры [учеб. пособие]. – Екатеринбург 2013. — С. 68 – 90). Видимо, бремя спартанского верховенства не виделось чрезмерно тяжким, в то время как мессенские илоты склонны были к восстаниям.

Периэкские общины-полисы, несмотря на свою некоторую автономность и ущемленность в правах, выступали по линии войскового подразделения равноценной частью полноправных спартанцев – спартиатов. Вместе со спартанцами они выступали единой фалангой, называемой Лакедемон. Поскольку в воинственных эллинских полисах войны – обыденное явление, а для войн желательно иметь большое количество войска, спартанцы пошли на некоторые уступки, приблизив к себе местное покоренное население. В свою очередь, периэки в тяжелое для спартанцев время, предпочитали им помогать или препятствовать продвижению их врагов по своей территории. Данный пример показывает, как изначально разные группы людей пытаются вместе сосуществовать и оказывать взаимную поддержку без всяческой этнической солидарности. В истории можно говорить в каких-то случаях (в каких?) об этническом делении, но ценностные ориентиры лежали далеко не всегда в плоскости национального.

На примере истории эллинов приведу три указанных уровня:

1. панэллинство;
2. диалектно-«племенной»;
3. полисно-союзный.

На уровнях №2 и №3 отношения переплетались самым тесным и хитрым образом. Города Беотии противились подчинению Фивам и образованию «Беотийского союза». Дорийцы-спартанцы покорили автохтонов, образовав политию Лакедемон. В Аттике дело обстояло попроще по причине заселения всех жителей в один город и дарования всем гражданских прав. Тем не менее, город Элевсин видится вставным зубом в Аттике, с которым возникали некоторые проблемы (Сергеева С.Н. Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н.э.) http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/1998/sergeeva.htm).

Мышление общинными категориями, перетекающие в совпадение с границами политической организации, известно уже из шумерской истории. Как объясняют востоковеды, путем заселения жителей в один «город» или объединения деревень, появлялась община, ее стали обозначать в современной историографии «ном». При этом единое происхождение или некое единство могло осознаваться, но на передний план на повседневно-бытовом уровне оно не выходило, являясь скорее абстрактной, общей или книжной идеей, которую рано или поздно могли воплощать в жизнь различные правители или государства силовыми методами (Саргон Древний, III династия Ура, Филипп II Македонский, Римская республика, Русское царство). Видимо, в полном смысле современного слова эллины этносом не являлись, как и русские средневековья, о чем речь пойдет далее.

2. **Некоторое замечание по народам и этносам.** Лично у меня складывается такое мнение, пока не отождествляя народ с современным пониманием этноса, что народ – продукт письменной культуры, он может себя отделять от остальных, видеть некое свое (зачастую культурное, но не политическое) единство, но при этом не видеть смысла в важности этого самого единства, поскольку ценностными ориентирами выступают другие координаты – община (в форме политической организации государственного характера), землячество, вера, близкое кровное родство, князь, правящая династия и т.д. Повторюсь, на низовом, повседневно-бытовом уровне другие ценностные ориентиры и объединяющие организационные формы – община или объединение в надобщинный уровень. Формы можно искать разные. Только в самых развитых обществах Востока можно видеть развитые государственные формы устройства, когда в более масштабных политических образованиях видят потребность в некой унификации, дабы навести порядок, с помощью которого можно было бы легче управлять государством. Городская элита начинает мыслить более масштабными, другими экономическими, социальными и политическими категориями,. Ведь не случайно христианство в древности чаще находило поддержку в городах, а не в селах. В городах люди оторваны от тяжелых повседневных трудов по производству, составляя иные профессиональные слои, в то время как в деревнях предпочитали полагаться

на старых богов, дающих урожай, покровительствующих семье, деревне и т.д. Практически повсюду, где шла тенденция образования более-менее централизованного государства, осуществлялись меры по универсализации религиозных сторон жизни, дабы меньше возникало трений и разногласий, люди чувствовали себя более сплоченными. При этом проще становилось управление, не вдаваясь в каждой общине, в каждом регионе в местные детали. Книжники вырабатывали общий письменный, литературный язык. Например, можно условно сказать, что «эллинов» эллинами сделала «Илиада» Гомера, хотя еще долго после ее написания у них во многом не было общих точек соприкосновения.

Народ – категория более высокого порядка, нежели родовое деление или политическое объединение родовых организаций, которые легко и достаточно быстро могут распадаться, особенно в среде кочевников, учитывая расстояния и необходимость владения лучшими пастбищами, учитывая конкуренцию, миграционные потоки.

В.М.Васнецов «После побоища Игоря Святославича с половцами»

Общая культура рождала ценностный ориентир солидарности по этническому/народному признаку. Поскольку кровнородственные отношения просты и понятны на бытовом уровне, до сих пор, несмотря на уровень образования и популяризацию научных знаний, можно видеть смешение понятия народа как социально-культурной категории с понятием биологического характера, с тем, что наследуется потомками и дается при рождении. Поскольку формирование народа – процесс длительный, на примере древней российской истории мы видим, что т.н. «древнерусский язык» стал общим языком на всей территории Руси, объединяющим людей, в то время как внутри отдельных земель могли сосуществовать говоры и диалекты. К последним можно отнести древненовгородский диалект, на котором разговаривали все жители новгородской земли. Обозначение Руси стало приобретать некий индикатор этничности, пока еще в слабо выраженной форме. Например, летописцы упрекают князей в приводе на русскую землю половцев-язычников, убивающих христиан (поскольку русские князья использовали половецкие отряды в политической борьбе, то половцы не только действовали военными методами, но в качестве платы могли бесчинствовать и брать в плен местное население). Для книжника на первом месте выступает религиозная солидарность: не имеет значения, в какой земле происходит разорение, какие князья и по каким причинам дерутся между собой, если князья приводят на Русь язычников, некий чужеродный, внешний элемент, элемент иной религиозной системы. Русь, имея некий этнический индикатор, общее наименование, пока воспринималась фрагментами: здесь мы, русь, а там другие, но тоже русь. По аналоги с землячеством. Землячество в меньшей и ослабленной форме присутствует до сих пор, но его подавляет более высокий уровень – этничность или причисление себя к культурно-языковой общности, народу. По летописям можно в первую очередь увидеть религиозно-конфессиональную солидарность. Причем, надо полагать, сами православные прекрасно понимали, что русь с греками одной веры, однако русь с греками никогда не путали и не отождествляли. Это значит, что первый индикатор этничности на уровне «мы – они» (противопоставление по названию, что бы под ним ни подразумевалось) возникает уже в XII в. (возможно, несколько ранее). Это то, что можно проследить по текстам.

Перейдем непосредственно к проблеме русской этничности.

2. О русском «этносе»?

1. **Предварительные замечания.** С появлением большого по территории и многолюдности политического образования соразмерно увеличивалось и число проблем, местных факторов, мешающих планомерному объединению. Наверное, князь Владимир Красное Солнышко решал проблемы своей державы, исходя из своих личных соображений и сложившихся обстоятельств. Часть Руси считалась христианизированной, еще его бабка официально приняла крещение от греков. Поэтому выбор веры – это не столько геополитическое решение, сколько решение, возникшее из обстоятельств местного и личностного характера. Принятие христианства явилось достаточно важным мероприятием в долгосрочной перспективе. Православие через какое-то время на Руси стало ассоциироваться с русской или грекорусской верой. Монотеистические религии в позднеантичный и средневековый период стали заменять идею о всевозможном единстве. Нет божеств, есть один Бог, нет правителей, должен быть в идеале один правитель. Соответственно, должны были конструироваться идеи центростремительного характера в иных сферах. В период позднеримской империи идея одного императора, сопряженная с административно-социальной политикой, и в дальнейшем подкрепленная христианством, разрушала полисные структуры, люди переставали чувствовать себя гражданами полиса, считать свой полис родиной и отстаивать его независимость, появлялся император-господин с подданными, и появлялась христианская религия, которую императоры в какой-то момент пожелали поставить под свой контроль. Языческая культура отмирала, уходя в прошлое, появлялись подданные, подданные-христиане. Вероятно, благодаря такому повороту дел между эллинами стирались грани социально-политического и культурного характера. Размывались прежние деления, появляется наддиалектный язык койне, эллины, в конце концов, стали называть себя ромеями, в то время как с VIв. или VIIв. языком делопроизводства стал греческий. И до сего дня мы можем наблюдать у греков желание сохранять одно государство, совпадающее с этническим обозначением.

У македонян дело обстояло гораздо проще, наверное, благодаря запаздыванию в политическом развитии. Общины не сформировались в самостоятельные и целостные единицы (то же самое касается «варварской периферии»), их консолидация проходила более равномерно под властью македонских царей. Внутри страны деление чаще шло по горной и низменной частям – Верхней и Нижней Македонии. У македонян и фракийцев (некое общее обозначение племени/народа) можно встретить региональные противоречия в ходе складывания одного государства.

Данное замечание представляется мне важным, поскольку до недавнего времени политические структуры у нас мало изучались. Греческие полисы, имея предысторию, несмотря на упадок, вызванный, скорее всего дорийским нашествием, формировались как общины и как общины-организации политического характера. У соседних македонян и фракийцев рождение государственности упиралось не в отдельные общины-города, а регионы, несколько другой уровень объединения.

В целом, акцентирую внимание на расхождении народа как культурно-языковой общности и солидарности, и, с другой стороны, как организацию родовых объединений. Это разные уровни, и характеризуя тех же западных и восточных славян, мы их зачастую смешиваем.

2. **О русской «этничности».** Обращаясь к русской и славянской истории (впрочем, как и к скандинавской) мы должны понимать, что обращаемся к очень отсталому региону во всех смыслах и отношениях. О каком-то серьезном политическом развитии едва ли можно говорить. Обращает на себя внимание пограничье… как бы так сказать… «варварской периферии» из Ютландии, Фризии по отношению к Франкскому королевству. Собственно, откуда и могла быть перенесена более зрелая военно-политическая культура к самим восточным славянам. Фактически насаждение письменности в том же Новгороде было осуществлено княжеской властью – Ярославом Мудрым. Без такого «пинка» (видимо, принятие христианства ускорило распространение письменности и книжной культуры) принятие письменности растянулось бы по времени неизвестно на какой срок, и неизвестно, какие к тому времени оформились бы политические и культурные границы – и знали бы мы гораздо меньше об истории восточной части славянства и сопредельных стран.

В.М.Васнецов «Псковское вече»

Таким образом, возникает круг связанных между собой вопросов: можно ли говорить о русском этносе? когда он появляется? был ли этнос или что-то другое? Вопросы сложны, но правомерны. Отвечать на них трудно по той причине, что этносов в нашем современном понимании, наверное, не было. Можно говорить о некоторых этнических индикаторах, причем, что упускается из виду исследователями, нужно разделять родовые общности и культурные (общности иного плана и даже уровня – типа нации), последние обычно носят письменный характер.

Описывая географическую ситуацию, летописец утверждает: «се бо токмо Словѣнескъ æзыкъ в Руси. Полѧне. Деревлѧне. Ноугородьци. Полочане. Дреговичи. Сѣверъ Бужане зане сѣдоша по Бугу послѣжеже Велъинѧне . а се суть инии æзъщи . иже дань дають Руси . Чюдь . Мерѧ .Весь . Мурома…» (ПСРЛ. Т.1, стб. 11).

В Русь летописец записывает только словен — людей, говорящих на словенском, данников он к Руси не причисляет. Хотя относительно событий Хв. славяне в ПВЛ сами выступали в роли данников и не относились к Руси (видимо, потому Константин Порфирородный употребляет термин «внутренняя Росия» применительно к киевщине, где находились скандинавские анклавы — русь).

В данном летописном случае имеется некий квазиэтнос «русь», который можно более-менее исторически справедливо определить как политоним, давший смычку с языком («словенский»). Летопись практически всегда, за небольшим исключением, говорит о Руси в узком смысле, причем широкое название произошло от названия людей, концентрировавшихся в области Киева (ср. «внутренняя Россия» Константина Багрянородного). Идти в Русь – означало идти в историческую область, а русь чаще всего – наименование людей, сперва отличных от славян и варягов, потом произошло слияние, возник симбиоз славян и скандинавов. Нечто отдаленно напоминающее эту ситуацию можно вспомнить из истории древней Персии. Держава Ахеменидов в широком смысле называлась Персией (Геродот именовал Азией), но была еще историческая область – Персида. Пример с Русью отличается, тем, что иностранцы называли так и всю страну, и всех жителей. Иногда, наравне с различными определениями руси и русских (напр., см. Назаренко А.В. Древня Русь на международных путях. М., 2001, с. 11 – 50) можно встретить «руский бой» (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 555), русский строй («jak tro the foro ena rytza färd») в Хронике Эрика (http://runeberg.org/erikkron/34.html), некую принадлежность чему-то, какой-то градации. При этом, противопоставления мы – русь, они – ляхи, они – венгры имеют некое подобие этнической грани, но пока еще в размытой форме. Можно ли считать это за появление этноса – вопрос дискуссионный, возможно, тут спор о терминах, а не о фактах. Неизменно одно –под русью начинает подразумеваться некая народная градация (идет смычка с языком и культурной близостью, и превалирующим моментом выступает единство по религиозной принадлежности). Политоним перетекает (в зависимости от угла зрения) – как в этноним (по культуре и языку), так и в конфессионим (по религии). И. Н. Данилевским используется термин «этноконфессионим»… Трудно говорить о каких-то общих исторических категориях, в разные времена и условиях люди мыслили по-разному, ценностная шкала зачастую не совпадала с нашей, современной. Слова меняли свое значение. Видимо, благодаря книжникам, общей — христианской — вере, идет сращение политонима с культурно-языковым ареалом распространения «словен», люди видят «своих» — по культуре (усиливается роль веры) и языку. Но это не означало исключительно одну особенность «своих». Скорее, на первый план чаще всего выступал фактор землячества — новгородцев, ростовцев, смолян, киевлян и т.д. Причем, как видно, это происходило за счет главных, важных городов. С появлением новых важных городов начиналось новое дробление, теперь уже внутри земель, разделяя людей еще больше по политическому принципу.

По материальной культуре региональные различия на Руси к приходу монгол были уже минимальны. Надеюсь, свою лепту

еще внесут берестяные грамоты, находимые в разных уголках древней России. В гетманском универсале Б. Хмельницкого 1648г. прямо говорится, что козаки – потомки руссов и сами они роуськие, а поляки захватили русские земли до Вильно и Смоленска (Акты Западной России. 1855. т.5. С. 78 — 83). Тут уже не столь важно, сознавали они себя частью единого русского народа или его обособленной частью (субэтносом). Особо оговаривается именно наследие, кровное преемство. Политоним Русь превратился в то, что можно назвать этносом или народом, хотя солидарность шла не столько по линии этничности, сколько по вере, названию. В данном случае еще и язык был одним, русским.

3. *Вместо общих итогов*

1.1. Племена и народы. В греческом языке этнос (ἔθνος) определяется как племя/народ (Словарь Дворецкого http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html). В русских летописях по отношению к догосударственному состоянию славян таковое слово не используется, в славянском языке племя в варианте этноса-народа используется применительно к некой большой исторической общности (тут мои знания слишком ограничены). Например, в Киевском Синопсисе 1674г. слово «народ» используется по отношению к жителям «московского царства», при этом другие народы не упоминаются, племена словен тоже не используются в тексте. Возникает впечатление о регионально-политическом подразделении русских, где народ – население некой страны, причем граница проведена по политическому признаку (причислены к московским людям с самого начала возвышения Москвы). В переводе на современный язык, народ – жители княжества, политии, государства, а не этнос. У не вполне добросовестных исследователей и далеких от истории людей выхваченные из контекста слова служат поводом для различного рода спекуляций, мешая пониманию прошлого, и без того основанного на крайне скудном, иногда запутанном историческом материале.

Как показано на примерах, уже в русскоязычной литературе нет системности и понимании народа и племени и употреблении этих слов. Если понятие нации – заимствование, можно пытаться переводить эти смыслы на русский язык, то племя и народ – еще и сложная понятийная игра с поиском определения значений во времени и текстах. Следует скорректировать или подновить понятийную сетку. Да и не мешало бы (на манер французских исследователей) заняться инвентаризацией всего понятийно-терминологического аппарата. Перебрать инструментарий: разложить по своим местам, почистить от ржавчины, починить сломанное, убрать в шкаф ненужное и отжившее…

1.2. **Использование слов в научной и переводческой литературе.** По моему мнению, не вполне корректно и последовательно ис пользуются слова *племя* и *народ* в переводческой литературе, что затрудняет понимание иноязычных и русских старинных текстов. Видится непоследовательное и некорректное использование родовой и этнической/квазиэтнической номенклатур. Даже в словарях видится спорное значение *племени* (как племени-народа и как потомства, родственников), с приводимыми в них примерами.

В книге Т.Д. Флоринского «Славянское племя», 1907г., понятие «славянское племя» используется в единственном значении, как вариант обозначения народа. При этом славянское племя разделилось на девять славянских народов, причем, по мысли автора, русский народ распался на три народности, о чем в науке идут споры (Флоринский Т.Д. Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства». 1907. С. 4). Казалось бы, номенклатура славянских обозначений понятна, но для ранней истории славян, еще не знавших государства, автор оперирует понятиями то «народы», «то племена», то «более крупные этнографические группы».

Если следовать логике распада народа на народности, то распад славянского племени-народа нужно обозначать народностями, племённостями (??). Но в том-то и дело, что в народность часто вкладывается смысл этничности, хотя и в едва уловимой, но отчетливо проявляемой форме, притом что по этнографической картине ранних славян до сего дня нет четких данных.

Во время подготовки данного материала, в поле моего зрения попала статья В.А. Попова, созвучная моим взглядам по племенам и этносам. У него они сложились на базе изучения африканских обществ, у меня на несколько иного рода материале, в связи с попыткой разобраться в терминологии, проблемах генезиса цивилизации и государственности как таковой, потому что в какой-то момент я осознал, что перестал понимать и источники и труды историков. Так вот, подводя итог обзору пониманий понятия племени, он пишет: «таким образом, с концептом «племя» случилось то, что всегда бывает, когда одним термином называют разные феномены, а именно — утрата терминологической однозначности и превращение в фантом. Концепт «племя» потерял свою концептуальность. Ни этнология племени, ни социология (социальная антропология) племени, ни политология, или, точнее, политическая антропология племени не состоялись. В этнологии вместо «племени» используется термин «этнос» и его производные, а также «народ», не имеющие стадиальной привязки и не вызывающие ассоциаций с первобытностью. В политической антропологии «племя (потестарное племя)» заменено «вождеством» и его аналогами. Что же касается социологии или социальной антропологии, то весьма показательно, что в монографии Н. М.

Гиренко, названной «Социология племени», слово «племя» упомянуто всего три раза, а сама книга фактически посвящена исследованию различных проблем первобытности, то есть «племя» выступает в роли синонима первобытного общества (ср. с устойчивым в прошлом словосочетанием «племенной строй»). Попов В.А. Концепт «племя», или этничность и потестарность «в одном флаконе». https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-plemya-ili-etnichnost-i-potestarnost-v-odnom-flakone).

2.1. **Европоцентризм и модернизация**. В эпохи, предшествующие Новому времени, система координат и ценностных ориентиров выстраивалась различным образом: в противопоставлениях «мы – они» можно усмотреть некоторую этническую градацию (или то, что могло заменять этнос). Градация и самоопределение зачастую шло по привычным и понятным для конкретных людей ориентирам по – принадлежности к роду (фамилии, например), колену (более крупному родовому образованию), к общине в разной своей форме (по-моему, до сих пор идут споры о разграничении соседской и территориальной), к общине, приобретшей форму (или служащей альтернативой) государства – номы, полисы. С появлением монотеистических религий важным градационным признаком становится принадлежность к определенной религии и конфессии. Список можно продолжать и далее… Затем Европе начинают формироваться нации (nation/s), вероятно, параллельно с выстраиванием и централизацией королевской власти – в Испании, во Франции, в Англии. Появление заморских европейских колоний помогало оформлению населению метрополии в нацию. Применительно к российской истории дело обстоит совсем иначе. Новые территории представляли собой продолжение государства, продолжение населения подданных (трудно представить себе, чтобы европейские монархи подбирали себе супругов среди населения Америки, Африки или Океании). Историк Доминик Ливен («Империя, история и современный мировой порядок» http://propagandahistory.ru/books/Kollektiv-avtorov_Mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma—sbornik-/32) делает интересное замечание. Морские страны, такие как Англия, Франция имели колонии за морем, что служило естественным разграничителем между метрополией и колониальной периферией, помогая формированию нации. Он говорит: «чтобы упорядочить и привести в систему широкий спектр государственных образований и исторических событий, о которых уже шла речь в настоящей статье, необходимо дать империи некое определение. Мне кажется, чаще всего встречающиеся в научной литературе определения не годятся для этой цели. Они основываются на противопоставлении метрополии и провинций или колоний, лежащих на периферии империи и акцентируют политическое господство, а также факт экономической эксплуатации метрополией периферии. Увлечение историей культуры в последние годы привело к тому, что исследователи стали подчеркивать культурную гегемонию метрополии как еще один отличительный штрих империи. Здесь важно отметить, что данное определение работает в основном лишь применительно к современным западноевропейским заморским империям. В Британской, французской или голландской империях образца 1900 года метрополию от периферии отделяли океан, расовые различия населения и все возрастающий разрыв в уровне благосостояния и экономического развития. С точки зрения культуры «Европа» оказала гораздо большее воздействие на жизнь и сознание колонизованных народов, нежели на жизнь и сознание колонизаторов. Само это обстоятельство с течением времени превратилось в причину возмущения против колонизаторов. Возможно, важнее всего было то, что взрослое мужское население метрополии имело гражданские права, в то время как жители периферии в принципе были лишь подданными империи. По совокупности всех этих причин Британскую, французскую и голландскую империи можно считать «национальными империями» – в том смысле, что в них доминирующее положение занимали целые нации.

Что касается великих сухопутных империй прошлого, то применительно к ним определение империи как системы отношений центра-периферии имеет гораздо меньше оснований, и не только потому, что никакой океан в этом случае не отделял метрополию от ее колоний. Многие из сухопутных империй могут быть охарактеризованы как «аристократические». В них господствовал и их эксплуатировал класс, а не сообщество, и тем более не нация. Члены аристократической элиты имперского центра гораздо более отождествляли себя и вступали в союз со своими собратьями-аристократами (особенно в рамках одной цивилизации), чем с плебеями из своего собственного этноса. Кроме того, такая империя зачастую гораздо более жестоко эксплуатировала низшие классы «центра», нежели низшие классы периферии, поскольку это было с точки зрения логистики гораздо проще и политически безопаснее. Хорошим примером здесь служит царская Россия, начиная с эпохи Петра I и до 1860-х годов. В этот период Россия представляла собой союз различных групп землевладельцев вокруг русского поместного дворянства, являвшегося центром системы. Элита этого общества подчас гораздо лучше говорила по-французски, чем по-русски, и воспринимала себя не только как членов правящего класса России, но также как часть европейской космополитичной аристократии. Достаточно очевидно, что остзейские немцы-аристократы получали от этой империи гораздо больше благ, нежели обращенная в крепостное состояние масса великорусского населения».

Приведенный фрагмент лишний раз подчеркивает, что и в Новом времени у России имелась своя историческая специфика, потому более-менее однородные западноевропейские империи, образующие нации-метрополию, не находят аналога в российской истории и русском языке. Взятые за образец/эталон западноевропейские империи и нации теперь мыслятся как правило, и под это правило, ломая свое мышление, игнорируя исторические нюансы, пытаются подстраиваться и подстраивать представление о своей истории все остальные. Мы должны понимать, что термин «нация» и примыкающий к нему вопрос этносов – чисто европейское изобретение. Соотношение между европейским и остальным (видимо, за счет наследия образования Римского государства, античного культурного и языкового наследия) – это работа, которую следует проделать. Не механически переносить на нечто с иными исторически, культурно-языковыми особенностями, а вдумчиво, с подкреплением из исторических источников.

2.2. Русский «этноконфессионим»? Последнее. Проблема «русского этноса», как представляется, все же далека от разрешения не только по причине, связанной с источниковой базой, но и в связи с различной системой мышления советско-постсоветского периодов, смешения различных понятий и категорий советского марксизма, марксизма и не марксизма. Так, до сих пор жива идея троичной связки: «род – племя – народность» (Толочко П.П. Древнерусская народность. СПб, 2005. 218 с.***), но вменяемых исторических исследований, с доказательной источниковой базой, по-моему, так до сего дня и нет. Есть лишь некая фантазия на тему: вот тут род, вот тут племя, вот тут народность, а трибу заменит племя, а курий у нас нет. Так проще выявлять требуемый феодализм, высокий уровень развития славян, отсутствие необходимости влияния извне. Далее в том же духе…Тем временем можно и нужно глубже вникать в источники, учитывать исторические условия и пытаться понять людей прошлого, не навязывая им современных категорий и современного (или принятого в обществе, науке) мышления, всяческих учений и априорных суждений.

Близким к истине мне видится термин И.Н. Данилевского «этноконфессионим». Дело в том, что наряду с редким, исчезающим упоминанием в тексте летописей «славиний», термин «этноконфессионим» несет в себе смысл некоторой неустойчивости, размытости: появляется ядро, население которого пока именуется общим словом Русь; далее слово обрастает новыми смыслами — входит обозначение носителей словенского языка, христианской веры, православия. Использование старинных обозначений славиний в текстах летописей может еще говорить о двоякости , «перетекаемости» значения руси внутри страны то по принципу конфессиональности, то по принципу этно-политического наименования. в то время как на более масштабном уровне Русь выступает едино. Например, в летописях можно встретить оборот «наши вятичи» и другие, «пургасова русь». Иными словами, нельзя рассматривать русь только как конфессионим, нельзя русь рассматривать только как этноним, хотя под ним понимался словеноговорящий элемент в пределах политического образования Рюриковичей, при этом всех данников, не говорящих на «словенском», ПВЛ в Русь не записывает. Видимо, мы сталкиваемся с довольно типичным примером образования большой политической системы в географическом смысле, охватывающее разные этнографические элементы (назовем это так). Отсюда возникает неустойчивое именование населения. Но для Руси, что характерно, важным является многочисленность носителей словенского языка, в чем не последнюю роль, наверное, сыграли Кирилл и Мефодий, а также прибывающие на Русь церковные деятели, в основном выходцы из Болгарии, что еще больше сближало два мира — по языку и по вере. В более глобальных масштабах, за пределами страны, Русь рассматривается именно русью. Так же как летописцу не было интересно знать кто скрывается под уграми, если их ведет на помощь князю или для ведения военных действий на Русь венгерский король.

В XI – XIII вв. происходит оформление руси и русских как культурно-религиозной общности. Религиозность специально отделена, поскольку для книжника вера имеет громадное значение, но при описании различных событий можно усмотреть очертания иного мышления, нежели у книжника-монаха. Хотелось бы дополнительно отметить усиление роли религии в Европе и Средиземноморье с XI в. — расколом церкви 1054 г., началом крестовых походов и приходом монголов. Если половцы для русских были «где-то там», притом, что часть половцев уже была подвержена христианизации, часть элиты породнилась с Рюриковичами, что можно видеть по событиям 1223 г. (русские князья вступились за родичей-половцев, по всей видимости, многие из которых еще и христианами были), то монголы оказались совсем рядом и навязывали свои правила игры. У монголов имелась центральная военная власть, военная дисциплина, они вели тотальную войну, что кардинально не вписывалось в образ мышления обычного русского князя, с китайской помощью у них появлялись ростки государственности централизованного типа, чего в принципе пока еще не знали половцы. Русь получила не только устойчивые границы в этно-политическом плане, но и в религиозном. На западе — католики и язычники (ятвяги, литовцы), на востоке «татарове»-язычники, затем мусульмане, на юге агрессия крестоносцев на Византию, затем турков. Надо заметить, что еще в 1220-е гг русские княжества фигурируют в Крыму, после чего с экспедицией сельджукского султана в Крым, известия о них в источниках пропадают. Возможно, отчасти следует искать причины возрастающей роли конфессиональной принадлежности на Руси в том, что она стала одним из индикаторов самоопределения. Четким указателем для простого обывателя, кто свой и кто чужой.
* То же самое касается убийства Аскольда и Дира Олегом в Киеве, поскольку те не относились к племени Рюрика, т.е. не были потомками, не имели княжеского звания.

*** Украинский исследователь пытается переписать летописи, навязывая им свое видение, используя одну «с» в слове «древнерусская». В России книга, вопреки желанию автора, вышла с удвоенной буквой в названии. На с. 5 в примечании он утверждает о правиле написания в текстах производных слов от «русь» с одной буквой. Не могу сказать за правило, но по событиям XIв. к примеру, встречаем частое: «землѣ Русьскѣи» (ПСРЛ. Т1, стб. 200), «в Русскѣи земли» (там же) , «власть Русьскую всю» (Там же, стб. 204) и т.д.

В словоуказателе к ПВЛ по Лаврентьевскому списку можно усмотреть различное написание http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Laurence/lavrfrm.htm.

Сразу заметно, что превалирует написание с одной буквой на первых двух-трех десятках листов, уступая место удвоенности

букв, начиная с событий XI в. Вот только в Хв. летописей никто не вел.

Больше можно говорить про начертания с удвоенной «с», причем довольно часто с мягким знаком: «-/сьс/-».

Упомянуто: Руссии – 46 раза, русскии/русьскии – 72 раза.

По Радзивиловскому списку к статьям 898 – 921гг упомянуто руссии 12 раз.

По Ипатьевскому списку к статьям 1110 – 1117гг. упомянуто русьскии – 6 раз, рускыи – 6 раз.